

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ: ГРАФЪ САЛАСЪ-ТУРНЕМИРЪ.

ПОЛЯРНАЯ
ЗВѢЗДА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ИСТОРИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ

ФЕВРАЛЬ 1881 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1881.

Ө. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

28 января текущаго года русская литература и общество понесли крупную утрату. Въ этотъ день, въ 9 часовъ вечера, скончался отъ разрыва легочной артеріи знаменитый беллетристъ-психологъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Смерть его поразила всѣхъ своею неожиданностью, внезапностью... Ее всѣ считали и считаютъ понятиемъ общественнымъ бѣдствіемъ... Имя Достоевскаго, какъ писателя, давно уже приобрѣло себѣ громкую и заслуженную извѣстность, давно уже поставлено на ряду съ именами корифеевъ нашей литературы, Тургеневымъ, Л. Толстымъ, Гончаровымъ... Но значеніе его было важно не для одного только искусства и та общая неподдѣльная печаль, сказавшаяся при извѣстіи о его кончинѣ, находить себѣ, по нашему мнѣнію, и другое, едвали не болѣе важное объясненіе, чѣмъ сожалѣніе объ утратѣ крупнаго художественнаго таланта. Объясненіе это вытекаетъ изъ той потребности уяснить смыслъ нашей современной жизни, которая настоятельно сказывается въ массѣ общества, не столько, конечно, чувствительнаго къ красотамъ художественнаго произведенія, сколько къ тѣмъ отзывамъ на жизнь, выразителемъ которыхъ совершенно справедливо считался Ө. М. Достоевскій. Между тѣмъ даже попытка разяснить значеніе окружающихъ насъ явленій никогда еще не представляла такого интереса, какъ именно теперь. Дѣйствительно, если мы вздумаемъ поглубже въ нихъ взглянуть, то невольно должны будемъ остановить вниманіе на томъ нравственномъ и личномъ (индивидуальномъ) недовольствѣ, которое непрерывно точитъ душу современнаго человѣка. При умственномъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, богатствѣ, онъ чувствуетъ нравственную пустоту, другими словами—ему не по себѣ. Къ тому же теперешнее недовольство человѣка собою и окружающимъ не прежнее сознательное, дѣятельное и

энергическое, которое отчетливо формулировало зло и средства какъ его исправить. Современный человѣкъ весь, самъ того не замѣчая, исполненъ сомнѣнiя, раздумья, отрицанья. Разставшись съ стремленiями къ идеалу, даже болѣе того—не задаваясь ими, приспособившись исключительно и всецѣло къ дѣятельности практической, онъ, помимо своей воли, не находитъ удовлетворенiя въ той нравственной испорченности, въ томъ равнодушии къ добру и злу, въ томъ безразборчивомъ практическомъ реализмѣ, который является послѣдствiемъ отсутствiя правильно поставленнаго идеала. Отсюда и недовольство, о которомъ мы упомянули, отсюда же и то неясное стремленiе къ «чему-то», которое такъ ли иначе, правильно или неправильно, но всегда горячо и страстно пытался уяснить покойный беллетристъ-психологъ...

Ө. М. Достоевскiй умеръ рано, умеръ далеко не сказавъ еще послѣдняго слова... Ему не было еще 60-ти лѣтъ. Онъ родился 20 октября 1822 года, въ Москвѣ. Тамъ же онъ получилъ первоначальное образованiе въ одномъ изъ лучшихъ пансионовъ, видѣвшемъ въ своихъ стѣнахъ не мало людей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными. Въ 1837 году, пятнадцатилѣтнимъ юношею, Достоевскiй переведенъ былъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ главное инженерное училище. Не по душѣ было въ немъ Өедору Михайловичу; по его собственнымъ словамъ, онъ чувствовалъ, что вступаетъ не на свою дорогу, и думалъ объ университетѣ. Жизнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Годъ спустя, Достоевскiй потерялъ родителей, что, конечно, не могло не отозваться и на матеріальномъ его положенiи: сознание практической необходимости успѣшно кончить курсъ вынудило Өедора Михайловича отдать на время своей силы изученiю инженерныхъ наукъ и онъ вышелъ изъ училища однимъ изъ первыхъ. Страсть къ чтенiю, бывшая съ молодыхъ лѣтъ одной изъ преобладающихъ наклонностей Достоевскаго, не оставляла его и въ училищѣ и нерѣдко онъ тратилъ послѣднiя деньги на покупку книгъ...

Рано почувствованное призванiе влекло Өедора Михайловича къ литературѣ. Едва выпедши изъ училища, онъ уже подалъ въ отставку и въ самомъ концѣ 1844 года, никогда прежде ничего не писавши, началъ своихъ знаменитыхъ «Бѣдныхъ людей». Къ веснѣ повѣсть была окончена и появилась въ печати въ 1846 году, въ изданномъ тогда Некрасовымъ «Петербургскомъ Сборникѣ». Въ теченiи слѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилось еще нѣсколько повѣстей Достоевскаго, имѣвшихъ меньшiй успѣхъ уже потому, что отъ автора ждали многого, каковы: «Господинъ Прохарчинъ», «Хозяйка», «Нечотка Незванова» и

проч. Многія изъ нихъ вошли въ «полное собраніе сочиненій» 1860 года. Необходимо тоже упомянуть, что именно въ это время своей дѣятельности Федоръ Михайловичъ подвергся долгому, почти двухлѣтнему и весьма серьезному разстройству своего здоровья, что не могло не отразиться и на его тогдашнихъ произведеніяхъ. Въ 1849 году литературная дѣятельность Федора Михайловича прекратилась на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Замѣшанный въ извѣстное дѣло Петрашевскаго, онъ былъ сосланъ въ «настоящія», по его выраженію, каторжныя работы на 4 года и по истеченіи этого срока оставленъ въ Сибири въ военной службѣ рядовымъ. Только въ 1856 году онъ произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи Достоевскій получилъ разрѣшеніе выдти въ отставку и поселиться въ Твери, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1860 году, ему дозволено было переѣхать въ Петербургъ.

Въ теченіи всего этого времени Федоръ Михайловичъ не оставлялъ занятій литературою. Еще въ вѣршности, во время слѣдствія по дѣлу, онъ писалъ повѣсть «Маленькій герой». Въ Сибири написаны повѣсти «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково и его обитатели» и проч., вошедшія въ полное собраніе сочиненій. Тяжелыя испытанія, посланныя судьбою Достоевскому, не остались безъ вліянія на литературную дѣятельность его, и прежде всего, имъ обязана русская литература вывезеннымъ изъ Сибири-же замѣчательнымъ этюдомъ каторжно-острожной жизни и нравовъ, подъ названіемъ «Записки изъ мертваго дома», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1862 году. Съ пріѣзда въ Петербургъ литературная дѣятельность Достоевскаго не прекращалась. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ редактированіи издававшегося тогда его братомъ Михайломъ Михайловичемъ, авторомъ нѣкоторыхъ повѣстей, журнала «Время», впослѣдствіи «Эпоха», который по смерти брата въ 1864 году окончательно перешелъ къ Федору Михайловичу и былъ въ его рукахъ до прекращенія въ 1865 году. Въ то же время одно за другимъ появлялись новыя произведенія Достоевскаго. Въ 1861 году появился его большой романъ «Униженные и оскорбленные». За этимъ романомъ слѣдовалъ рядъ повѣстей: «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», «Записки изъ подполья», «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» и проч. Въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности до настоящаго времени Достоевскимъ написанъ рядъ большихъ романовъ: «Преступленіе и наказаніе» («Русскій Вѣстникъ» 1866 года), «Идіотъ» («Русскій Вѣстникъ» 1868 года), «Бѣсы» («Русскій Вѣстникъ» и отдѣльное изданіе 1873 г.), «Подростокъ» («Отечественныя Записки» 1875 г.)

и, наконецъ, «Братья Карамазовы» («Русскій Вѣстникъ» 1879 и 1880 гг.). Въ 1876 году Ѳедоръ Михайловичъ издавалъ ежемѣсячный свой «Дневникъ писателя», имѣвшій огромный успѣхъ и прекращенный на время самимъ издателемъ.

Литературная извѣстность достается не легко. Обыкновенно одинъ романъ, одно сочиненіе не дѣлаетъ извѣстнымъ имени своего автора. Ѳедоръ Михайловичъ въ этомъ отношеніи представляетъ рѣдкое исключеніе. Первое произведеніе его пера, о которомъ мы уже упомянули, романъ „Бѣдные люди“, еще до изданія въ свѣтъ, можно сказать, доставилъ извѣстность молодому своему автору, если не среди публики, то по крайней мѣрѣ среди литераторовъ. Въ молодомъ тогда еще писателѣ сразу увидѣли крупный талантъ, глубокую искренность и сердечную теплоту, однимъ словомъ, всѣ тѣ чувства, за которыя нельзя не любить Ѳ. М. Достоевскаго. Воспоминаніе первыхъ счастливыхъ минутъ въ жизни Ѳедора Михайловича передадимъ его словами («Дневникъ писателя», Январь 1877 г.): «Быль май мѣсяцъ 1845 года. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ, какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными, неопредѣленными цѣлями. Въ началѣ зимы я вдругъ началъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не писалъ, кромѣ одной маленькой статьи «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборникъ». По совѣту Григоровича, Ѳедоръ Михайловичъ снесъ рукопись Некрасову, готовившему тогда сборникъ къ слѣдующему году. Они подали другъ другу руки. Ѳедоръ Михайловичъ сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Объ успѣхѣ онъ мало думалъ, а партіи «Отечественныхъ Записокъ», какъ тогда говорили, онъ боялся. «Осмѣетъ-же Бѣлинскій моихъ «Бѣдныхъ людей»! думалось ему иногда. Но лишь иногда: „писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами, говорить онъ въ своемъ воспоминаніи, — неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью, — все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?» Мнительность, однако, немедленно возвращалась. Некрасовъ и Григоровичъ просидѣли всю ночь до утра надъ рукописью, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. Когда они кончили, то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно. Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день.

Когда Некрасовъ опять зашелъ къ Бѣлинскому вечеромъ, то онъ встрѣтилъ его въ волненіи: «приведите, приведите его скорѣй?» Бѣлинскій принялъ Федора Михайловича чрезвычайно важно и сдержанно, хотя заговорилъ пламенно, съ горящими глазами. Онъ говорилъ тогда о «Бѣдныхъ людяхъ» съ истинной, искренней любовью художника и критика. Онъ хвалилъ новое произведеніе юнаго романиста, а похвала Бѣлинскаго, котораго Федоръ Михайловичъ нѣсколько лѣтъ читалъ съ увлеченіемъ и почему-то боялся, разумѣется, была дороже всѣхъ одобряющихъ мнѣній, какія пришлось ему потомъ читать или слышать о своихъ произведеніяхъ. Молодой, двадцатитрехлѣтній романистъ вышелъ отъ Бѣлинскаго въ упоеніи; всѣмъ своимъ существомъ онъ ощущалъ, что въ жизни его произошелъ какой-то торжественный моментъ, переломъ на вѣки. Началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего онъ и не предполагалъ даже въ самыхъ страстныхъ своихъ мечтахъ. Вспоминая объ всемъ этомъ въ указанномъ выше выпускѣ своего «Дневника», онъ говоритъ, что это была «самая восхитительная минута во всей его жизни».

Когда «Бѣдные люди» появились въ печати въ началѣ 1846 года, Бѣлинскій такъ выразился о молодомъ писателѣ: „Талантъ г. Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіе его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы“. («Отечественныя Записки» 1846 г.). Эти слова были великимъ пророчествомъ. Прошло съ того времени три года: новые писатели возникали и пріобрѣтали себѣ почетную извѣстность. О. М. Достоевскій продолжалъ писать, но ни одно изъ его новыхъ произведеній не сравнилось съ первою его повѣстью. Въ скоромъ времени послѣ появленія въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей», которые въ 1847 году изданы отдѣльно, Федоръ Михайловичъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» новую повѣсть «Двойникъ». Повѣсть эта не имѣла никакого успѣха въ публикѣ, чему удивляться не будемъ, если прочтемъ приговоръ Бѣлинскаго надъ новымъ этимъ произведеніемъ Федора Михайловича. «Въ «Двойникѣ» авторъ обнаружилъ огромную силу творчества, писалъ тогда Бѣлинскій, — характеръ героя концентрированъ глубоко и смѣло, ума и истины въ этомъ произведеніи много, художественнаго мастерства тоже, но вѣстѣ съ тѣмъ видно неумѣніе владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» было извинительно для перваго опыта, въ «Двойникѣ» является чудовищными недостатками». О

другой повѣсти Ѳ. М. «Господинъ Прохарчинъ», Бѣлинскій отозвался слѣдующимъ образомъ: «не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ — не то умничанія, не то претензій, иначе не была-бы она такою вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе».

Когда появилась еще одна повѣсть его «Хозяйка», Бѣлинскій сожалѣлъ о талантѣ Ѳедора Михайловича, тратившаго все свое дарованіе на подобные рассказы, какъ «Двойникъ» и особенно «Хозяйка», и отзывъ его о послѣдней повѣсти былъ крайне строгій, хотя, какъ и всегда у Бѣлинскаго, вполне справедливый. Время для полной зрѣлости молодого таланта было еще впереди.

Въ половинѣ 1849 года, какъ мы уже упомянули, литературная дѣятельность Ѳедора Михайловича прекратилась и литература при этомъ не выразила особенныхъ сожалѣній. Если въ теченіи десятилѣтняго молчанія Достоевскаго иногда и вспоминали, то развѣ затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ собственнымъ простодушіемъ, съ которымъ производили его въ геніи, за первую повѣсть. Нельзя не признать того факта, что пропасть, раздѣляющая всѣ его повѣсти, написанныя въ теченіи трехъ лѣтъ, послѣдовавшихъ послѣ изданія «Бѣдныхъ людей», отъ этихъ послѣднихъ, такъ громадна, что недоувѣріе, съ какимъ стали относиться къ таланту Достоевскаго, имѣло вполне рациональныя основанія. Наконецъ, около 1860 года Ѳедоръ Михайловичъ снова появился въ литературѣ, хотя имя его было уже слишкомъ блѣдно предъ новыми свѣтилами, появившимися въ литературѣ въ это десятилѣтнее его молчаніе. Въ 1861 г. Достоевскій напечаталъ новое произведеніе, большой романъ, въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Униженные и оскорбленные», вызвавшій слѣдующую оцѣнку. «Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго, пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ, мы находимъ одну общую черту болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ, или наконецъ даже не вправѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и партіальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то а priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ

собою, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, хоть въ результатѣ доходить только—или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествия, или до простого, тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ будто рождаются съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніи какъ будто никогда съ роду не посѣщала. Это—точно существа другого міра, точно въ нихъ ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Какъ это происходитъ? Какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? Къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя произведенія г. Достоевскаго. Правда, разрѣшенія всѣхъ предложенныхъ вопросовъ у него нѣтъ; но еслибъ онъ ихъ рѣшилъ, то, конечно, не сталъ бы писать о нихъ повѣсти. Литературное произведеніе искреннее, а не заказное, только тогда и возможно, когда первая основа и крайнее рѣшеніе взятаго факта составляетъ еще вопросъ, разгадка котораго занимаетъ самого автора. Но у сильныхъ талантовъ самый актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе ихъ вытекаетъ само собою». «Самый тонъ повѣсти, продолжаетъ критикъ далѣе, унылый, болѣзненный — такъ и вышибаетъ изъ сердца раздражительный вопросъ, такъ и подымаетъ въ васъ какую-то нервную боль...»

Апогея, который предсказалъ О. М. Достоевскому Бѣлинскій, онъ достигъ въ своихъ запискахъ изъ «Мертваго дома», представляющихъ рядъ глубокихъ психологическихъ этюдовъ, рядъ озлобленныхъ людей, часто именно этимъ озлобленіемъ доведенныхъ до преступленія и въ романѣ «Преступленіе и наказаніе», романѣ, блестяще выполнившемъ задачу изобразить весь процессъ преступленія и развитія душевнаго состоянія преступника, сквозь которое проглядывало бы и то настроеніе, которое подготовило самое преступленіе и то, которое послѣдовало за его совершеніемъ.

Послѣдующія произведенія О. М. Достоевскаго «Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ», несмотря на нѣкоторую невыдержанность, преимущественно, впрочемъ, вводныхъ лицъ (главные типы во всѣхъ названныхъ романахъ хороши безукоризненно), на нѣкоторую шаржировку въ изображеніи многихъ частныхъ подробностей, въ цѣломъ пред-

ставляютъ во всякомъ случаѣ ту живую и художественно-реальную картину, воспроизведеніе которой возможно только для первокласснаго таланта, умѣвшаго заглянуть въ душу и униженныхъ и оскорбленныхъ, и преступниковъ и умѣвшаго вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить къ нимъ и въ нихъ лучшія человѣческія стремленія.

Указавъ на главные произведенія г. Достоевскаго и на нѣкоторыя свойства его своеобразнаго дарованія, мы, конечно, не претендуемъ на полную и всестороннюю оцѣнку его литературной дѣятельности. Для насъ важно уяснить ту общую точку зрѣнія, которая установилась у большинства читающей публики на любимаго ею писателя, — любимаго, несмотря на многіе, присущіе ему, недостатки составляющіе принадлежность почти всѣхъ его произведеній за исключеніемъ развѣ «Бѣдныхъ людей», «Записокъ изъ мертваго дома», «Преступленія и наказанія» и, пожалуй, первой части, «Идіота». Къ числу этихъ недостатковъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ относится какая-то особенная страсть автора къ изображенію аномальныхъ явленій и притомъ не единичныхъ, какія, конечно, въ жизни встрѣчаются, а общихъ, приписываемыхъ имъ, напр., цѣлому обществу, состоящему изъ разнообразныхъ людей, связанныхъ въ произведеніи необъяснимою наклонностью къ чисто исключительнымъ особенностямъ. Второю и весьма существеннымъ недостаткомъ произведеній покойнаго писателя составляетъ тотъ спѣшный, необработанный трудъ, при условіи котораго онъ писалъ свои произведенія и при которомъ часто начало эпизода романа едва сведено съ концомъ. Явленіе это присуще всѣмъ большимъ произведеніемъ автора, и онъ самъ по поводу этого послѣдняго недостатка дѣлаетъ откровенно признаніе въ одномъ изъ писемъ къ покойному критику Аполлону Григорьеву. Письмо это напечатано въ 60-хъ годахъ въ журналѣ «Эпоха». Выбираемъ изъ него наиболѣе интересные мѣста:

«Очень часто случалось въ моей литературной жизни, пишетъ Ѳ. М. Достоевскій, что начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи, а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но непременно должно было написаться къ завтраму. Совершенно сознаюсь, что въ романѣ моемъ (дѣло шло объ «Униженныхъ и оскорбленныхъ») выставлено много куколь, а не людей, что въ немъ ходячія книжки, а не лица, принявшія художественную форму». И затѣмъ далѣе: «въ то время, какъ я писалъ, я разумѣлся въ жару работы не сознавалъ многихъ недостатковъ, я только развѣ ихъ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрное, начиная тогда писать: 1) что хоть романъ и неудастся, но въ немъ будетъ поэзія; 2) что будутъ два три мѣста

горячихъ и сильныхъ: 3) что два наиболѣе серьезныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно и художественно».

Всѣ эти достоинства и недостатки О. М. Достоевскаго едва ли не съ наибольшою силой и яркостью отражаются и въ его послѣднемъ предсмертномъ романѣ «Братья Карамазовы». Тотъ же поразительный психологическій анализъ, какой обнаруживаетъ авторъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, то же умѣнье подмѣтить малѣйшіе изгибы и движенія человѣческой души и та же склонность къ изображенію аномальныхъ явленій, та же шероховатость, небрежность, неотдѣланность нѣкоторыхъ мѣстъ, преобладаніе субъективнаго элемента въ ущербъ объективному поражаютъ читателя съ первыхъ страницъ произведенія и достигаютъ наибольшаго развитія при послѣдующемъ его теченіи...

Достоевскій умеръ среди разгара противоположныхъ мнѣній, отчасти имъ вызванныхъ—умеръ, готовясь наносить и получать политическіе удары отъ лицъ несогласныхъ съ его политическими идеалами. Но кто станетъ теперь, справедливо замѣтила одна газета, думать и говорить объ этихъ спорахъ. И они, и матеріалъ, ихъ вызвавшій, еще слишкомъ близки намъ, слишкомъ еще мало по отношенію къ нимъ спокойствія и безпристрастія, создаваемого временемъ, которое одно, развернувъ туманное будущее, покажетъ, насколько вѣрно смотрѣлъ на призваніе и свойства своей родины несомнѣнно, глубоко и горячо любившій ее покойный. Живучесть его политическихъ идеаловъ—въ будущемъ; въ немъ ихъ силы или слабость, и не о нихъ приличествуетъ говорить теперь. Но образы, имъ созданные—живутъ уже полною жизнью, вылившись изъ «жаждавшей и алкавшей правды» души своеобразнаго и несравненнаго мастера. Эти образы, невидимо, но понятно для окружающихъ, возникаютъ вокругъ его гроба и указываютъ на тяжесть и значеніе понесенной утраты. Они должны двигаться вереницею въ умъ каждаго, подходящаго къ нему. Они должны напоминать—они не могутъ не напоминать ту негодующую скорбь и тѣ слезы дрогнувшаго сердца, которыми сопровождалась уметвенная встрѣча съ ними. Ими переполнены страницы «Мертваго дома», «Бѣдныхъ людей», «Преступленія и наказанія», этой трогательной эпопеи, въ которой художникъ бралъ читателя за руку и велъ его по ступенямъ, всякаго рода «паденій» для того, чтобы, заставивъ его перечувствовать и пережить ихъ въ душѣ—въ концѣ-концовъ примирить его съ падшими—и въ мимолетной

оболочкѣ порочнаго или преступнаго человѣка показать вѣчныя черты несчастнаго «брата»... И Макарь Дѣвушкинъ, со своею оборвавшеюся цуговкою вицъ-мундира,—и «блѣдненькая, худенькая, со слабенькимъ голоскомъ» Соня Мармеладова, и самъ Мармеладовъ «образа звѣринаго и печати его»—и истерзавшійся Раскольниковъ, и его мать, и Карамазовскій штабсъ-капитанъ съ «мочалкою»—и «вѣчный мужъ», и всѣ эти изстрадавшіеся, опустившіеся, нервные и мрачные люди, которыхъ такъ умѣлъ описывать Достоевскій—не умрутъ въ русской литературѣ, пока въ ней будетъ жить желаніе умѣть найти въ самой омраченной, въ самой озлобленной душѣ искру примиряющаго и облагораживающаго свѣта. И для всѣхъ искателей этой искры—Достоевскій будетъ образцомъ и великимъ учителемъ. У него придется изучать и приемы тончайшаго, проникающаго въ самую глубину, анализа душевныхъ движеній натуръ усталыхъ, ослабѣвшихъ, надломленныхъ въ житейской борьбѣ—и изумительнаго изображенія психическихъ состояній, свойственныхъ людямъ, находящимся на границѣ дѣйствительности и цѣлаго міра грезъ и лихорадочной игры фантазіи. На страницахъ его сочиненій всегда будетъ звучать призывъ къ внимательному и любящему описанію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его,—общая съ великимъ англійскимъ романистомъ, всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Умѣть такъ просто, правдиво и задумчиво описать волненія и страсти «маленькаго героя», и порывы негодованія ребенка при видѣ истязуемой лошади,—умѣть создать «Илюшечку» и написать его сцену съ оскорбленнымъ и поруганнымъ отцомъ—могъ только художникъ, носившій въ груди нѣжно-любящее и отзывчивое сердце...

А что такое именно сердце было у него, видно изъ всѣхъ воспоминаній о покойномъ.

Вотъ что пишетъ о Федорѣ Михайловичѣ М. Н. Катковъ:—«Достоевскій принадлежалъ къ числу избранныхъ душъ, которыя неутомимо ищутъ правды, ищутъ Бога. Вотъ въ чемъ, въ этомъ исканіи Бога истинный прогрессъ и человѣка, и человѣчества! Какъ бы въ этомъ исканіи ни заблуждался человѣкъ, оно спасетъ его, оно выведетъ его на путь, если только исканіе правды само правдиво и идетъ изъ глубины души. Въ комъ живетъ это животворящее духовное начало, тотъ выдержитъ всякое испытаніе, тотъ не изнеможетъ ни въ какой борьбѣ. Много тяжкаго перенесъ Достоевскій въ своей жизни. Буря застала его на самомъ разцвѣтѣ его жизни. Въ своихъ молодыхъ великодушныхъ, но еще неопредѣленныхъ, порывахъ къ добру и прав-

дѣ, онъ оступился, подпалъ подъ ударъ суроваго закона — и очутился на каторгѣ. Не будь въ немъ Бога, онъ бы озлобился, ожесточился бы и упалъ бы безповоротно съ высоты своихъ мечтаній. Но для него страшное бѣдствіе стало путемъ истиннаго глубокаго совершенствованія; оно зародило въ немъ духовнаго человѣка. Быть-можетъ, онъ не вышелъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ своей дѣятельности, еслибъ Богъ не судилъ ему этого испытанія. Талантъ его не получилъ бы такого развитія, и не выработался бы въ немъ тотъ духовный строй, который характеризуетъ его по преимуществу, въ которомъ заключается его главное достоинство какъ писателя. Изъ неопредѣленныхъ и смутныхъ исканій онъ мало-по-малу вышелъ на тотъ узкій и единственный путь который ведетъ къ истинѣ. Онъ обратился на самого себя, онъ вступилъ въ борьбу съ самимъ собою, въ борьбу упорную, неутомимую; въ себѣ самомъ, а не въ другихъ казнилъ онъ безпощадно все дурное и порочное человѣческой природы, и чѣмъ болѣе онъ очищался и овладѣвалъ собою, тѣмъ глубже становился онъ сыномъ своего народа и христіаниномъ, вѣрующимъ въ простотѣ сердца. Въ русскомъ народномъ чувствѣ обрѣлъ онъ Христа, и все что было въ немъ идеальнаго, стремящагося, все его исканія сосредоточились здѣсь. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ онъ могъ ошибаться, и не столько отдѣльными мыслями производилъ онъ доброе дѣйствіе на умы, сколько общимъ строемъ своей души, общимъ направленіемъ своихъ помысловъ. Въ немъ мы видимъ русскій умъ, который свои идеалы ищетъ и находитъ не въ пустотѣ, не въ отвлеченностяхъ, не на чужбинѣ, а въ живой душѣ своего народа. Наши идеалисты и реалисты относились къ своей народности по большей части отрицательно. Заслуга Достоевскаго какъ писателя именно въ томъ состоитъ, что онъ со всею искренностію и со всею силою своего дара почувствовалъ и обрѣлъ высшую правду въ своемъ народномъ чувствѣ, и прежде всего духъ милосердія, самое христіанское въ христіанствѣ начало, которое, мы чувствуемъ, живетъ во глубинѣ нашей народности и въ которомъ таится ея истинная сила».

Лучшія воспоминанія о О. М. Достоевскомъ принадлежатъ А. С. Суворину. Въ своемъ фельетонѣ, посвященномъ памяти покойнаго, онъ рисуетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ онъ живой. Онъ стоялъ у шкафа съ книгами и говорилъ: «А у васъ много старыхъ книгъ. Есть ли у васъ одна — я ее искалъ — «Постоялый дворъ». Это хорошій романъ». Мы съ нимъ сѣли и стали говорить. Это было дней за десять до его смерти. Онъ приступалъ къ печатанію своего «Дневника». Срочная работа его волновала. Онъ го-

ворилъ, что одна мысль о томъ, что къ извѣстному числу надо написать два листа—подрѣзываетъ ему крылья. Онъ не отдохнулъ еще послѣ «Братьевъ Карамазовыхъ», которые страшно его утомили, и онъ рассчитывалъ на лѣто. Эмсъ обыкновенно поддерживаетъ его силы, но прошлый годъ онъ не поѣхалъ изъ-за празднованія Пушкина. На столѣ у меня лежали «Четыре очерка» Гончарова, гдѣ есть статья о «Горѣ отъ ума». Я сказалъ, что настоящіе критики художественныхъ произведеній—сами писатели-художники, что у нихъ иногда являются необыкновенно счастливыя мысли. Достоевскій сталъ говорить, что ему хотѣлось бы въ «Дневникѣ» сказать о Чацкомъ, еще о Пушкинѣ, о Гоголѣ и начать свои литературныя воспоминанія. Чацкій ему былъ не симпатиченъ. Онъ слишкомъ высокомеренъ, слишкомъ эгоистъ. У него доброты совсѣмъ нѣтъ. У Репетилова больше сердца. Вспомните первое явленіе Чацкаго. Пропадалъ столько времени и претендуетъ, что дѣвушка перестала его любить. Самъ о ней онъ и думать забылъ, веселился за границей, влюблялся, конечно, а въѣхалъ на родныя поля, скучно, вотъ сталъ дразнить себя старой любовью и взбѣшенъ, что Софья не въ восторгѣ отъ свиданія съ нимъ. И далѣе. Далѣе понюхать уксусу Софѣ, когда она упала въ обморокъ, повѣялъ платкомъ въ лицо и говоритъ: «Я васъ воскресилъ». И это вѣдь серьезно онъ говоритъ, съ жесткимъ упрекомъ въ неблагодарности. На Софью у насъ слишкомъ строго смотрять, а на Чацкаго слишкомъ снисходительно: очень онъ подкунаетъ насъ своими монологами. Кстати я спросилъ у него, отчего онъ никогда не писалъ драмы, тогда какъ въ романахъ его такъ много чудесныхъ монологовъ, которые могли бы производить потрясающее впечатлѣніе.

— «У меня какой-то предрасудокъ на счетъ драмы. Бѣлинскій говорилъ, что драматургъ настоящій долженъ начинать писать съ двадцати-лѣтъ. У меня это и засѣло въ головѣ. Я все не осмѣливался. Впрочемъ, нынѣшнимъ лѣтомъ я надумывалъ одинъ эпизодъ изъ Карамазовыхъ обратить въ драму.

«Онъ назвалъ какой эпизодъ и сталъ развивать драматическую ситуацію.

«Онъ много говорилъ въ этотъ вечеръ, шутилъ насчетъ того, что хочетъ выступить въ «Дневникѣ» съ финансовой статьей и въ особенности распространился о своемъ любимомъ предметѣ—о Земскомъ Соборѣ, объ отношеніяхъ царя къ народу, какъ отца къ дѣтямъ. Достоевскій обладалъ особеннымъ свойствомъ убѣждать, когда дѣло касалось какого-нибудь излюбленнаго имъ предмета: что-то ласкающее, просящееся въ душу, отворявшее ее всю звучало въ его рѣчахъ. Такъ

онъ говорилъ и въ этотъ разъ. У насъ, по его мнѣнію, возможна полная свобода, такая свобода, какой нигдѣ нѣтъ, и все это безъ всякихъ революцій; ограниченій, договоровъ. Полная свобода совѣсти, печати, сходовъ, и онъ прибавлялъ: «полная. Судъ для печати—развѣ это свобода печати? Это все таки ея приниженіе. Она и съ судомъ пойдетъ односторонне, криво. Пусть говорятъ все что хотятъ. Намъ свободы необходимо больше чѣмъ всѣмъ другимъ народамъ, потому что у насъ работы больше, намъ нужна полная искренность, чтобъ ничего не оставалось невысказаннымъ». Конституцію онъ называлъ «господчиной» и увѣрялъ, что такъ именно называютъ ее мужики въ разныхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ ему случилось съ ними говорить. Еще на Пушкинскомъ праздникѣ онъ продиктовалъ мнѣ небольшое стихотвореніе объ этой «господчинѣ», изъ котораго одинъ стихъ онъ помѣстилъ въ своемъ «Дневникѣ», вышедшемъ сегодня:

А народъ опять скуемъ.

«Онъ былъ того мнѣнія, что прежде всего надо спросить одинъ народъ, не всѣ сословія разомъ, не представителей отъ всѣхъ сословій, а именно однихъ крестьянъ. Когда я ему возразилъ, что мужики ничего не скажутъ, что они и формулировать не сумѣютъ своихъ желаній, онъ горячо сталъ говорить, что я ошибаюсь. Вопервыхъ, и мужики многое могутъ сказать, а вовторыхъ, мужики навѣрное въ большинствѣ случаевъ пошлютъ отъ себя на это совѣщаніе образованныхъ людей. Когда образованные люди станутъ говорить не за себя, не о своихъ интересахъ, а о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, о потребностяхъ народа—они, правда, будутъ ограничены, но въ этой ограниченности они могутъ создать широкую программу коренного избавленія народа отъ бѣдности и невѣжества. Эту программу, эти мнѣнія и средства, ими предложенныя, ужь нельзя будетъ устранить и на общемъ совѣщаніи. Иначе же народные интересы задуются интересами и защитой интересовъ другихъ сословій и народъ останется не причемъ. Съ него станутъ тащить еще больше въ пользу всякихъ свободъ образованныхъ и богатыхъ людей, и онъ останется попрежнему обдѣленнымъ. Какъ я прочелъ, онъ тему эту развиваетъ въ своемъ посмертномъ «Дневникѣ», по необходимости односторонне, конечно, далеко не высказывая и того, что онъ мнѣ говорилъ.

«Политическіе идеалы Достоевскаго, мимоходомъ сказать, были широки и онъ не измѣнилъ имъ со дней своей юности. До этихъ идеаловъ очень далеко гг. либераламъ, которые такъ безжалостно, а иногда и мерзко его преслѣдовали, называя даже «врагомъ общественнаго развитія». Кто говорилъ съ Достоевскимъ искренно, тотъ

это знаетъ, знаютъ и тѣ, кто вчитывался въ его сочиненія, кто понималъ его типы, надъ которыми, точно проклятiе какое, тяготѣла мрачная судьба, какая-то сѣрная, удушающая, коверкающая, почти до безумiя доводящая атмосфера, кто понималъ, что надо всѣми этими несчастными звучить сострадательное, теплое, призывающее къ миру и любви слово писателя, психолога и мыслителя. Не деревянными фразами, бездушными и ординарными, не звонкой строкой передовой статьи изображалъ онъ эту атмосферу, коверкающую людей, а страницами полными огня, чувства, глубокаго проникновенiя въ сердце человѣка, словами проповѣди, рвавшей душу и сжигавшей ее. Чувствовался искреннiй, горячiй другъ людей неудовлетворенныхъ, людей стремящихся вдаль, ищущихъ истины. Въ мракѣ живутъ его люди, живутъ въ непроглядной ночи, но они бьются къ свѣту и правдѣ всяческими путями, и чистыми и нечистыми, быть можетъ, нечистыми больше, потому что во мракѣ трудно различать пути: только избранные, даровитѣйшіе попадаютъ на вѣрный путь.

«О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ мнѣ разъ:

— Они думали, что я погибъ, написавъ «Бѣсовъ», что репутация моя на вѣкъ похоронена, что я создалъ иѣчто ретроградное. Z. (онъ называлъ извѣстнаго писателя), встрѣтивъ меня за границей, чуть не отвернулся. А на дѣлѣ вышло не то. «Бѣсами» то я и напелъ наиболѣе друзей среди публики и молодежи. Молодежь познаю меня лучше этихъ критиковъ и у меня есть масса писемъ и я няал массу признанiй. Вообще, вы знаете, критика ко мнѣ не благоволила, она едва удостоивала меня снисходительнымъ отзывомъ или ругала. Я ей ничѣмъ не обязанъ. Сами читатели, сама публика меня поддерживала и дала мнѣ извѣстность за тѣ произведенiя, которыя писалъ я, возвратясь изъ каторги. Въ особенно близкія отношенiя съ читателями поставилъ меня «Дневникъ» и я думаю онъ не оставался безъ влiянiя на общественное мнѣнiе.

«Въ революціонные пути онъ не вѣриль, какъ не вѣриль и въ пути канцелярскіе; у него былъ свой путь, спокойный, быть можетъ, медленный, но за то въ прочность его онъ глубоко вѣриль, какъ глубоко вѣриль въ бессмертную душу, какъ глубоко былъ проникнутъ ученiемъ Христа въ его настоящей, первобытной чистотѣ.

«Во время политическихъ преступленiй нашихъ, онъ ужасно боялся рѣзни, рѣзни образованныхъ людей народомъ, который явится мстителемъ. «Вы не видѣли того, что я видѣлъ, говорилъ онъ; вы не знаете, на что способенъ народъ, когда онъ въ ярости. Я видѣлъ страшные, страшные случаи». И онъ радовался «замиренiю». Въ

праздникъ 25-тилѣтія Государя онъ былъ необыкновенно веселъ. Я просидѣлъ у него часа два. Онъ говорилъ: «Вотъ увидите, начнется совѣтъ новое. Я не пророкъ, а вотъ вы увидите. Нынче всѣ иначе смотреть». Покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова его смутило и онъ боялся реакціи. «Сохрани Богъ, если повернуть на старую дорогу. Да вы скажите мнѣ, твердилъ онъ мнѣ, точно я что-нибудь зналъ;—хорошими ли людьми окружить себя Лорисъ, хорошихъ ли людей пошлетъ онъ въ провинціи? Вѣдь это ужасно важно. А хорошие люди есть, выбирать есть изъ чего. Да знаетъ ли онъ отчего все это происходитъ, твердо ли знаетъ онъ причины? Вѣдь у насъ все злодѣевъ хотѣтъ видѣть... Я ему желаю всякаго добра, всякаго успѣха».

«Графъ Лорисъ-Меликовъ, конечно, не зналъ, какъ относился къ нему покойный, но онъ зналъ заслуги писателя для родной земли и тотчасъ представилъ о нихъ Государю. Министръ знаетъ сердцѣ своего Государя и знаетъ свои обязанности. Добрымъ словомъ вспомнать о немъ не разъ.

«Какъ Достоевскій относился къ молодежи—она сама про это знаетъ: Въ послѣдніе мѣсяцы онъ бывалъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Оваціи страшно подняли его нервы и утомляли его организмъ. Подносимые ему вѣнки онъ считалъ лучшей наградой. Въ ноябрѣ или декабрѣ, послѣ бала въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи, на который ему прислали почетный билетъ, онъ рассказывалъ мнѣ, какъ его принимали. «Потомъ мы стали говорить, продолжалъ онъ, затѣяли споръ. Они просили, чтобъ я говорилъ имъ о Христѣ. Я имъ сталъ говорить и они внимательно слушали». И голосъ его дрожалъ при этомъ воспоминаніи.

«Онъ любилъ русскаго человѣка до страсти, любилъ его такимъ, какимъ онъ есть, любилъ многое изъ его прошлаго и вѣрилъ съ дѣтскою, непоколебимою вѣрою въ будущее. «Кто не вѣритъ, тому и жить нельзя», говаривалъ онъ и говорилъ правду. Народная гордость жила въ немъ, жило въ немъ то сознаніе силы русскаго народа, которое разнымъ пошлякамъ кажется краснымъ патріотизмомъ, но уже не кажется это такъ вступающему въ жизнь поколѣнію. Эта независимость духа, эта искренность, съ какою онъ высказывалъ свои мнѣнія, на сколько позволяли ему условія печати, сдѣлали его любимцемъ публики, любимцемъ подроставшихъ поколѣній. Весь либерализмъ нашихъ либераловъ изъ любой иностранной книжки можно вычитать, но русскую душу можно узнать только въ глубокомъ писателѣ-человѣкѣ. И вотъ почему, замѣчаетъ въ концѣ своего очерка,

А. С. Суворинъ къ нему ходили какъ на исповѣдь, ему дѣлали невѣроятныя признанія, въ силу его слова вѣрили и старъ и младъ.

Понятно, поэтому, что у гроба О. М. Достоевскаго собрались не одни друзья и литераторы; собралось все, что только читало, мыслило, училось, такъ что съ 10 часовъ утра 31 января, въ день выноса тѣла покойнаго, стояли уже толпы народа по всему Кузнечному переулку (гдѣ находилась квартира О. М.), по Владимірской и даже Невскому проспекту. Процессія растянулась на двѣ слишкомъ версты и видъ ея былъ поистинѣ необыкновенный. Цѣлая аллея вѣнковъ, поднятыхъ на высокихъ шестахъ, постепенно терялась вдали. На всемъ пути этой процессіи, по обѣ стороны Невскаго проспекта, шпалерами стоялъ народъ, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній... Погребеніе происходило на другой день, 1-го февраля и привлекло опять таки такую массу народа, что нѣкоторымъ не удалось даже проникнуть за ограду Александровской лавры. На могилѣ покойнаго произнесены были многими депутатами рѣчи. Однимъ изъ первыхъ говорилъ г. Пальмъ; онъ сказалъ слѣдующее:

«Если художественныя творенія и вся писательская дѣятельность нашего Достоевскаго имѣютъ глубокое поучительное и воспитательное для насъ значеніе, то не меньшую долю этого значенія представляетъ намъ и жизнь Оедора Михайловича, жизнь, начавшаяся въ суровой школѣ невзгодъ, къ сожалѣнію, едва ли не общихъ всей русской молодежи, ищущей идеаловъ правды и какихъ бы то ни было путей саморазвитія,—невзгодъ, можно сказать неминуемыхъ, роковымъ образомъ, исторически необходимыхъ въ трудномъ своеобразномъ ростѣ русскаго человѣка. Считаю большимъ счастьемъ,—считаю законною гордостью, что на мою скромную долю выпала честь быть товарищемъ знаменитаго покойника именно въ ту пору его жизни, когда въ небольшой группѣ сверстниковъ и онъ извѣдалъ эту тяжелую невзгуду.. Какъ теперь вижу минуту нашего прощанья въ декабрѣ 49 года. Онъ бодрый, почти веселый и какой-то свѣтлый, вѣрующій, обнялъ меня и сказалъ: «до свиданья, П. увидимся непременно,—ужь это непременно—увидимся! Четыре года каторги, потомъ солдатчина — все вздоръ, пустяки, пройдетъ: а будущее наше!» Глаза его сверкали, прекрасная, любящая—хотя и не безъ тонкаго юмора—улыбка загорѣлась на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ... Прошли многіе трудные годы и въ самомъ дѣлѣ наступило наше свиданье... О. М. опять все тотъ же бодрый, свѣтлый, вѣрующій—на литературномъ чтеніи въ пользу учащейся молодежи, шепчетъ мнѣ: «а вѣдь мы не пропали! Мало насъ, а все-таки нѣтъ—

нѣтъ, да и вспомнать стариковъ... Вѣдь вотъ же пригодились, не прапали!...» Глубоко поучительна эта неумирающая вѣра въ свое душевное дѣло, которое тихонько, но безъ перерыва двигается, теплится въ человѣкѣ, помимо всѣхъ невзгодъ, всего шума, гама и сумятицы внѣшнихъ переходящихъ явленій... Безъ этой вѣры нѣтъ ничего истинно-прочнаго, ничего истинно-великаго... И она же — эта вѣра въ свое душевное дѣло неизмѣнно и прямо ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ человѣческой личности, къ полному примиренію... Увы господа, — примиреніе почти всегда настаетъ для человѣка послѣ смерти, — но въ настоящемъ случаѣ утѣшительно сознать, что примиреніе для Достоевскаго совершилось еще при жизни. Онъ не унесъ въ могилу горькой, ѣдкой мысли о неконченыхъ земныхъ счетахъ, онъ умеръ тихо, ясно, любовно, всѣми признанный и оправданный во всѣхъ путяхъ его жизни и дѣятельности... Отъ того-то и наша скорбь о немъ не мрачна, не безотраднa, а облекается въ какія-то праздничныя одежды, обращается въ торжество всенароднаго признанія заслугъ гениальнаго человѣка... Въ виду его свѣжей могилы пожелаемъ, чтобы всѣ страждущіе, униженные и оскорбленные, — бытописателемъ которыхъ былъ нашъ знаменитый художникъ, укрѣпляли и очищали правдой свое душевное дѣло, увѣровали въ завѣщанную жизнью Достоевскаго великій урокъ и дождались при жизни яснаго дня примиренія, возстановленія, всепрощенія — Свѣтлаго Христова воскресенія, какъ сказалъ бы онъ самъ — нашъ дорогой покойникъ».

Профессоръ Влад. Серг. Соловьевъ, рѣчь котораго встрѣтила общее сочувствіе, охарактеризовалъ покойнаго такимъ образомъ:

«Всѣ мы сошлись здѣсь ради общей нашей любви къ Достоевскому. Но если Достоевскій всѣмъ намъ такъ дорогъ, значитъ всѣ мы любимъ то, что онъ самъ болѣе всего любилъ, что ему было всего дороже; значитъ мы вѣримъ въ то, во что онъ вѣрилъ и что проповѣдывалъ. А то зачѣмъ бы и приходить намъ сюда чествовать его кончину, если бы намъ было чуждо то, ради чего онъ жилъ и дѣйствовалъ? А любилъ Достоевскій прежде всего живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ, и вѣрилъ онъ, что всѣ мы — рабы Божіи, вѣрилъ въ безконечную божественную силу человѣческой души, торжествующую надъ всякимъ внѣшнимъ и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Воспріявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и всю черноту жизни и преодолевъ все это безконечною силою любви и всепрощенія, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ божественную силу души, пробивающуюся чрезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій вѣрилъ въ Бога

и въ Богочеловѣка. Дѣйствительность Бога и Христа открывалась ему во внутренней силѣ любви и всепрощенія и эту же всепримиряющую и всепрощающую силу любви проповѣдывалъ онъ какъ основаніе для соединенія всѣхъ людей въ одно вселенское братство, для осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю свою жизнь.

«И мы, собравшіеся на могилѣ, чѣмъ лучшимъ можемъ выразить свою любовь къ нему, чѣмъ лучшимъ помянуть его, какъ если согласимся и превозгласимъ, что любовь Достоевскаго есть наша любовь и вѣра Достоевскаго—наша вѣра. Соединенные любовью къ нему, постараемся, чтобы такая любовь соединила насъ и другъ съ другомъ. Тогда только воздадимъ мы достойное духовному вождю русскаго народа за его великіе труды и великія страданія».

Въ заключеніе приведемъ лучшія изъ стихотвореній, написанныя на смерть Ф. М. Достоевскаго.

Усопшій братъ! Тебя могила
Навѣкъ, навѣкъ отъ насъ взяла...
Угасла страстной мысли сила,
Что въ сердцѣ пламенномъ жила,
Въ насъ чувства свѣтлыя будила
И мукой состраданья жгла.
Не бьется больше сердце это,
Что было съ юныхъ дней согрѣто
Любовью жаркой и святой
Къ несчастнымъ, жизнью обдѣленнымъ
Къ униженнымъ и оскорбленнымъ,
Къ забытымъ горькой нищетой.
Рукою смерти нещадящей
Замкнуты вѣщія уста,
Откуда рвался крикъ скорбящій
О язвахъ родины болящей,
Призывъ ея на путь Христа
Съ пути неправды настоящей!..
Усопшій братъ! Ты самъ страдалъ,
Ты перенесъ всѣ боли вѣка
И въ насъ недаромъ возбуждалъ
Святую скорбь за человѣка:
Проникновенный твой глаголь,
Дышавшій къ ближнему любовью,
Былъ сердца раненаго кровью—
И кровью той ты изомель!

В. Буренинъ.